

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА (ЧАСТЬ I)

Н.Б. Семёнова

ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», НИИ медицинских проблем Севера, г. Красноярск, Россия

Контактная информация:

Семёнова Надежда Борисовна – доктор медицинских наук (SPIN-код: 8340-6208; ORCID iD: 0000-0002-2790-7740; Web of Science Researcher ID: M-5846-2019). Место работы и должность: главный научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», НИИ медицинских проблем Севера. Адрес: 660036, г. Красноярск, Академгородок, д. 50. Телефон: (913) 539-86-02, электронный адрес: snb237@gmail.com

У подростков коренных популяций Сибири показатели самоубийств в несколько раз превышают показатели подростков других национальностей, что требует анализа причин данного явления. Одним из факторов риска суицидального поведения может быть когнитивный фактор, в частности, отсутствие навыков решения проблем, неумение правильно оценивать ситуацию и находить конструктивный выход. Цель исследования: изучить особенности когнитивно-поведенческого паттерна в ситуации фрустрации у подростков коренных популяций Сибири (якутов, эвенов, эвенков, алтайцев, агинских бурят и тувинцев), в сравнении с подростками восточных славян. Материал и методы. Методом анонимного анкетирования обследованы подростки коренного населения Сибири численностью 703 человека, из них 181 якут, 63 эвена и эвенка, 103 алтайца, 228 агинских бурят и 128 тувинцев. В контрольную группу вошли восточные славяне численностью 136 человек. Всего обследовано 839 человек, средний возраст составил 16,5 лет. В обследовании использован опросник Самооценки психических состояний, включающий 4 шкалы (Тревожности, Фрустрированности, Ригидности и Агрессии), по 10 утверждений в каждой шкале. Для каждого утверждения предусмотрено 3 варианта ответов: «не подходит», «подходит, но не полностью» и «полностью подходит»; утверждения кодируются как «0», «1» или «2». В данный анализ включены утверждения, характеризующие когнитивно-поведенческую реакцию в стрессовой ситуации. Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics, Version 22. Результаты. Испытывают страх перед трудностями 30,4% якутов ($p < 0,001$), 28,6% эвенов и эвенков ($p < 0,001$), 20,4% алтайцев ($p < 0,001$), 13,2% агинских бурят ($p < 0,05$) и 34,4% тувинцев ($p < 0,001$). Состояние растерянности в стрессовой ситуации отмечается у 26,5% якутов ($p < 0,001$) и у 33,6% тувинцев ($p < 0,001$). Оценивают ситуацию как безвыходную 23,8% якутов ($p < 0,001$), 23,8% эвенов и эвенков ($p < 0,001$), 28,9% тувинцев ($p < 0,001$). Отказываются от дальнейшей борьбы 13,8% якутов ($p < 0,05$) и 30,5% тувинцев ($p < 0,001$). Нарушения аффективной регуляции в ситуации стресса наблюдаются у 30,4% якутов, у 28,6% эвенов и эвенков ($p < 0,05$), у 34% тувинцев. Выводы. У подростков коренных народов Сибири чаще выявляются когнитивные факторы риска суицидального поведения: дисфункциональные установки, склонность к чрезмерной генерализации, субъективное ощущение неразрешимости жизненных трудностей. Поведение в ситуации фрустрации отличается меньшей адаптивностью, блокированием активности, использованием стратегии отказа. Выявленные особенности когнитивно-поведенческого паттерна могут объяснить причину высокого уровня суицида у коренных народов Сибири с позиции когнитивного подхода.

Ключевые слова: суицид, когнитивная модель, подростки, коренные народы, Сибирь

Данная статья является продолжением цикла публикаций, посвящённых изучению причин и факторов риска высокого уровня самоубийств у подростков коренного населения Сибири – якутов, эвенов, эвенков, алтайцев, агинских бурят и тувинцев. Известно, что в формировании суицидального поведения важную роль играют когнитивные факторы, в том числе, отсутствие навыков конструктивного

решения проблем, неумение правильно оценивать ситуацию и находить выход из неё. Выделение когнитивных факторов в качестве причин самоубийств, предложено сторонниками когнитивной модели суицидального поведения, которая основана на общей когнитивной теории Бека, утверждающей, что ошибочное восприятие и неправильное толкование являются основными чертами психопатологии [1]. Расширенная и

дополненная новыми знаниями в области суицидологии, когнитивная модель объяснила самоубийство как следствие сочетанного влияния трёх групп факторов – когнитивных суицидальных установок, неадаптивного стиля поведения и нарушений аффективной регуляции [2]. На сегодняшний день выделен целый ряд когнитивных составляющих суицидального поведения. Наиболее часто упоминаемой и хорошо изученной является дефицит вариантов альтернативного решения проблем. Доказано, что лица, склонные к самоубийству, обладают меньшими навыками решения конфликтной ситуации [3], генерируют меньшее количество альтернативных вариантов [4, 5], с меньшей вероятностью используют альтернативы, которые они генерируют, чаще рассматривают возможность негативного исхода [5-7], чаще прибегают к стратегии отказа от борьбы [7].

У лиц с высоким риском суицидального поведения обнаружены особенности мышления, которые проявляются когнитивными искажениями и неправильным толкованием ситуации. Когнитивные искажения и дисфункциональные установки наблюдаются не только в моменты жизненных кризисов, но и являются проявлениями общего неадаптивного когнитивного стиля и иррациональности убеждений [8], характеристикой устойчивого способа восприятия мира, отношения к себе и окружающей среде [9]. Неадаптивный когнитивный стиль как постоянный когнитивный паттерн усугубляет дистресс в контексте жизненных стрессоров и играет роль катализатора возможного суицидального исхода [10].

Ещё одна когнитивная составляющая суицидального поведения связана с автобиографической памятью и невозможностью получения адекватного доступа к собственному хранилищу личных воспоминаний в моменты кризиса [4, 11]. Эмпирическими исследованиями показано, что у лиц, склонных к самоубийству, снижена способность к извлечению накопленных ранее знаний из багажа личного опыта для получения нужной информации, касающейся конструктивного решения проблем [12].

Когнитивно-поведенческая модель суицидального поведения у подростков основана на модели, описанной у взрослых, и сводится к тому, что вероятность суицида в ответ на стрессовую ситуацию возрастает при наличии

когнитивных искажений и неадаптивного поведения в стрессовой ситуации. Подтверждено, что подростки, склонные к суициду, значительно больше сфокусированы на своих проблемах, имеют значительно меньшее количество альтернативных решений [13, 14] и неадекватный атрибутивный стиль [15]. У подростков, совершивших суицидальную попытку, выявлены особенности восприятия и мышления в виде склонности к чрезмерной генерализации, выборочной персонализации, установки приписывать исход событий внешним факторам [16-18]. В ситуации фрустрации у них чаще возникает субъективное ощущение неразрешимости жизненных трудностей [7], сопровождающееся нарушениями аффективной регуляции [19].

Эмпирическими исследованиями, проведенными на двух группах подростков (совершивших и не совершавших суицидальную попытку) подтверждено мнение Уильямса [11] о роли обобщённой автобиографической памяти и связи её с дефицитом решения межличностных проблем, негативными жизненными событиями, безнадёжностью и последующим *самоубийством* [20]. В более поздних исследованиях была показана роль руминации, или навязчивого мышления, в развитии суицидального поведения у подростков [21]. Выявлено, что навязчивые мысли вытесняют другие виды психической активности, усиливают дистресс, ведут к неадаптивному поведению и появлению суицидальных идеаций.

Таким образом, в настоящее время накоплено множество фактов, основанных на эмпирических доказательствах, подтверждающих значение неадаптивного мышления в возникновении суицидального поведения. Однако когнитивная модель суицидального поведения описана на популяции европеоидов и не учитывает особенностей восприятия и мышления у представителей других культур.

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей когнитивно-поведенческого паттерна в ситуации фрустрации у подростков коренных популяций Сибири, в сравнении с подростками восточных славян.

Дизайн исследования: Исследование проводилось в четырёх национальных субъектах РФ: Республике Саха (Якутия), Республике Алтай (РА), Агинском Бурятском округе (АБО) и Республике Тыва (РТ). Для проведения ис-

следования отобраны населённые пункты с наиболее компактным проживанием коренного населения. Большинство представителей коренных популяций проживают в сельской местности, поэтому обследование проводилось в посёлках, расположенных в национальных субъектах РФ. В Якутии отобрано 13 посёлков: пос. Депутатский, сёла Казачье, Усть–Куйга, Усть–Янск, Сайылык (Усть–Янский улус, расположенный в Арктических районах); сёла Абага, Петропавловск, Эжанцы, Кюпцы (Агинский и Усть–Майский улусы, расположенные в центральных и восточных районах); сёла Дабан, Тяня, Кыллах, Токко (Олекминский улус, южные районы). В Республике Алтай отобрано 6 населённых пунктов: пос. Улаган, сёла Акташ и Чибит (Улаганский район), пос. Кош–Агач, сёла Бельтир и Мухор–Тархата (Кош–Агачский район), пос. Майма (Майминский район). В Агинском Бурятском округе отобрано 2 посёлка в сельской местности: пос. Агинское (Агинский район) и Могойтуй (Могойтуйский район). В Тыве отобрано 5 посёлков (кожуунов) в западных районах сельской местности: Чаа-Холь (Чаа-Хольский кожуун), Тээли (Бэй-айгинский кожуун), Чадан (Дзун-Хемчикский кожуун), Хандагайты (Овюрский Кожуун) и Торгалыг (Улуг-Хемский кожуун).

Методом сплошной выборки обследованы учащиеся 10–11 классов общеобразовательных школ общей численностью 839 человек. Из них якутов 181 человек (83 юноши и 98 девушек), эвенков и эвенков 63 человека (19 юношей и 44 девушки), алтайцев 103 человека (40 юношей и 63 девушки), агинских бурят 228 человек (98 юношей и 130 девушек), тувинцев 128 человек (50 юношей и 78 девушек). Контрольная группа сформирована из представителей восточных славян (русские, украинцы), проживающих в идентичных условиях, в национальном субъекте РФ, Республике Алтай, обучающихся в смешанных классах, совместно с подростками коренных национальностей. Численность контрольной группы составила 136 человек (54 юноши и 82 девушки). Средний возраст обследованных 16,5 лет.

Обследование подростков проводилось методом анонимного анкетирования с использованием опросника Самооценки психических состояний. Опросник состоит из четырёх шкал – Тревожности, Фрустрированности, Ригидности и Агрессии. Каждая шкала содержит 10

утверждений, для которых подросток выбирает один из трех подходящих ответов: «не подходит», «подходит, но не очень» или «полностью подходит». Ответы кодируются значениями 0, 1 или 2, соответственно. При проведении данного исследования в анализ были включены 7 утверждений, характеризующих когнитивно-поведенческую оценку стрессовой ситуации: 1. Меня пугают трудности. 2. Нередко мне кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход. 3. Чувствую растерянность перед трудностями; 4. Я часто отказываюсь от борьбы, считая её бесплодной. 5. Неприятности меня сильно расстраивают, я падаю духом. 6. Легко впадаю в уныние. 7. Я нередко чувствую себя незащищённым. Два первых утверждения содержат когнитивную оценку ситуации; утверждения 3 и 4 характеризуют способ поведения в ситуации фрустрации; утверждения 5 и 6 выявляют нарушение аффективной регуляции; утверждение 7 демонстрирует когнитивное самовосприятие себя в окружающем мире.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics, Version 22. Статистический анализ качественных порядковых признаков проводился путём регистрации количества объектов в выборке, имеющих одинаковое значение качественной переменной, с дальнейшим подсчётом относительной частоты (%). Сравнение групп по качественному бинарному признаку проводилось с помощью критерия Pearson χ^2 или Fisher's Exact Test (при количестве наблюдений 5 и менее). Результаты в статистических таблицах представлены в виде абсолютных (n) и относительных показателей (%). При описании статистических показателей указывалось абсолютное значение Pearson χ^2 или Fisher's Exact Test, степень свободы (df) для критерия χ^2 и статистическая значимость различий (p). Величина уровня значимости различий принималась при $p=0,05$, то есть при ошибке 5%.

Результаты исследования.

Когнитивно-поведенческая оценка фрустрирующей ситуации у подростков коренных народов Сибири, в сравнении с восточными славянами, представлена в таблице 1.

Анализ ответов старшеклассников показал, что у подростков коренных популяций Сибири чаще, чем у восточных славян, отмечается страх перед трудностями.

Таблица 1

Когнитивно-поведенческая оценка фрустрирующей ситуации у подростков разных этнических популяций Сибири

Утверждение	Код ответа	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Группа 6
		Якуты (n=181)	Эвены, эвенки (n=63)	Алтайцы (n=103)	Агинские буряты (n=228)	Тувинцы (n=128)	Восточные славяне (n=136)
		n / %	n / %	n / %	n / %	n / %	n / %
Меня пугают трудности	0	49 / 27,1	17 / 27,0	41 / 39,8	80 / 35,1	39 / 30,5	63 / 46,3
	1	77 / 42,5	28 / 44,4	41 / 39,8	118 / 51,8	45 / 35,2	64 / 47,1
	2	55 / 30,4 ^a	18 / 28,6 ^a	21 / 20,4 ^a	30 / 13,2 ^a	44 / 34,4 ^a	9 / 6,6
Нередко мне кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход	0	55 / 30,4	17 / 27,0	46 / 44,7	102 / 44,7	46 / 35,9	71 / 52,2
	1	83 / 45,9	31 / 49,2	38 / 36,9	93 / 40,8	45 / 35,2	54 / 39,7
	2	43 / 23,8 ^a	15 / 23,8 ^a	19 / 18,4	33 / 14,5	37 / 28,9 ^a	11 / 8,1
Чувствую растерянность перед трудностями	0	49 / 27,1	19 / 30,2	42 / 40,8	78 / 34,2	33 / 25,8	70 / 51,5
	1	84 / 46,4	31 / 49,2	46 / 44,7	128 / 56,1 ^a	52 / 40,6	52 / 38,2
	2	48 / 26,5 ^a	13 / 20,6	15 / 14,6	22 / 9,6	43 / 33,6 ^a	14 / 10,3
Я часто отказываюсь от борьбы, считая ее бесплодной	0	86 / 47,5	30 / 47,6	64 / 62,1	139 / 61,0	50 / 39,1	83 / 61,0
	1	70 / 38,7	25 / 39,7	29 / 28,2	73 / 32,0	42 / 32,8	42 / 30,9
	2	25 / 13,8 ^a	8 / 12,7	10 / 9,7	16 / 7,0	36 / 28,1 ^a	11 / 8,1
Неприятности меня сильно расстраивают, я падаю духом	0	55 / 30,4	20 / 31,7	51 / 49,5	87 / 38,2	43 / 33,6	80 / 58,8
	1	71 / 39,2	25 / 39,7	35 / 34,0	114 / 50,0 ^a	41 / 32,0	38 / 27,9
	2	55 / 30,4 ^a	18 / 28,6 ^a	17 / 16,5	27 / 11,8	44 / 34,5 ^a	18 / 13,2
Легко впадаю в уныние	0	88 / 48,6	36 / 57,1	50 / 48,5	125 / 54,8	44 / 34,4	80 / 58,8
	1	60 / 33,1	17 / 27,0	34 / 33,0	79 / 34,6	47 / 36,7	39 / 28,7
	2	33 / 18,2	10 / 15,9	19 / 18,4	24 / 10,5	37 / 28,9 ^a	17 / 12,5
Я нередко чувствую себя беззащитным	0	79 / 43,6	30 / 47,6	51 / 49,5	136 / 59,6	45 / 35,2	87 / 64,0
	1	73 / 40,3	21 / 33,3	35 / 34,0	77 / 33,8	44 / 34,4	34 / 25,0
	2	29 / 16,0 ^a	12 / 19,0	17 / 16,5	15 / 6,6	39 / 30,5 ^a	15 / 11,0

Примечание: Статистическая значимость различий (p) по критерию Pearson χ^2 , a – коренные > чем восточные славяне (p<0,05)

О том, что их пугают трудности, чаще высказываются якуты ($\chi^2=30,2$; df=2; p<0,001), эвены и эвенки ($\chi^2=19,4$; df=2, p<0,001), алтайцы ($\chi^2=10,2$, df=2, p=0,006), агинские буряты ($\chi^2=6,5$; df=2, p=0,03) и тувинцы ($\chi^2=31,8$; df=2, p<0,001). О том, что им нередко кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход, чаще подтверждают якуты ($\chi^2 = 21,2$; df=2; p<0,001), эвены, эвенки ($\chi^2=15,3$; df=2; p<0,001) и тувинцы ($\chi^2=20,0$; df=2; p<0,001). Чаще чувствуют растерянность перед трудностями якуты ($\chi^2=23,9$; df=2; p<0,001), агинские буряты ($\chi^2=11,8$, df=2; p=0,003) и тувинцы ($\chi^2=27,8$, df=2; p<0,001). Чаще отказываются от борьбы, считая её бесплодной, якуты ($\chi^2=6,2$; df=2; p=0,04) и тувинцы ($\chi^2=21,3$; df = 2; p<0,001). О том, что неприятности их сильно расстраивают и они падают духом, чаще заявляют якуты ($\chi^2=27,5$; df=2; p<0,001), эвены и эвенки ($\chi^2=13,7$; df=2; p=0,001), агинские буряты ($\chi^2=17,9$; df=2; p<0,001) и тувинцы ($\chi^2=21,9$; df=2; p<0,001). Склонность к унынию чаще отмечается у тувинцев ($\chi^2=18,4$; df=2; p<0,001). О том, что

они чувствуют себя беззащитными, чаще высказываются якуты ($\chi^2=12,9$; df=2; p=0,02) и тувинцы ($\chi^2=25,1$; df=2; p<0,001).

Оценка фрустрирующей ситуации, скорректированная по полу, представлена в таблице 2. Анализ ответов юношей коренных национальностей Сибири, в сравнении с восточными славянами, выявил территориальные различия с преобладанием неадаптивного когнитивно-поведенческого паттерна в северных регионах Сибири и в Тыве. О том, что их пугают трудности, высказываются якуты ($\chi^2=7,44$; df=2; p=0,02) и тувинцы ($\chi^2=8,9$; df=2, p=0,01). О том, что им нередко кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход, подтверждают якуты ($\chi^2 = 10,4$; df=2, p=0,005) и тувинцы ($\chi^2=8,9$; df=2; p=0,01). Чувствуют растерянность перед трудностями тувинцы ($\chi^2=7,4$; df=2; p=0,02). О том, что неприятности их сильно расстраивают, они падают духом, чаще заявляют якуты (Fisher=7,6; p=0,02), эвены, эвенки ($\chi^2=6,4$; df=2; p=0,02) и тувинцы ($\chi^2=8$; df=2; p=0,02). «Легко впадают в уныние» тувинцы (Fisher=8,6; p=0,01).

Таблица 2

Когнитивно-поведенческая оценка фрустрирующей ситуации, скорректированная по полу

Утверждение	Код	Группа 1 Якуты (n=181)		Группа 2 Эвены, эвенки (n=63)		Группа 3 Алтайцы (n=103)	
		Юноши n / %	Девушки n / %	Юноши n / %	Девушки n / %	Юноши n / %	Девушки n / %
Меня пугают трудности	0	33/39,8	16/16,3	8/42,1	9/20,5	21/52,5	20/31,7
	1	31/37,8	46/46,9	8/42,1	20/45,5	16/40,0	25/39,7
	2	19/22,9 ^a	36/36,7 ^{ab}	3/15,8	15/34,1 ^a	3/7,5	18/28,6 ^{ab}
Мне кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход	0	22/26,5	33/33,7	8/42,1	9/20,5	22/55,0	24/38,1
	1	44/53,0	39/39,8	7/36,8	24/54,5	14/35,0	24/38,1
	2	17/20,5 ^a	26/26,5 ^a	4/21,1	11/25,0 ^a	4/10,0	15/23,8 ^a
Чувствую растерянность перед трудностями	0	31/37,3	18/18,4	8/42,1	11/25,0	19/47,5	23/36,5
	1	38/45,8	46/46,9	8/42,1	23/52,3	20/50,0	26/41,3
	2	14/16,9	34/34,7 ^{ab}	3/15,8	10/22,7 ^a	1/2,5	14/22,2 ^b
Я часто отказываюсь от борьбы, считая ее бесплодной	0	41/49,4	45/45,9	9/47,4	21/47,7	29/72,5	35/55,6
	1	28/33,7	42/42,9	8/42,1	17/38,6	8/20,0	21/33,3
	2	14/16,9	11/11,2 ^a	2/10,5	6/13,6	3/7,5	7/11,1
Неприятности меня сильно расстраивают, я падаю духом	0	36/43,4	19/19,4	7/36,8	13/29,5	25/62,5	26/41,3
	1	29/34,9	42/42,9	7/36,8	18/40,9	13/32,5	22/34,9
	2	18/21,7 ^a	37/37,8 ^{ab}	5/26,3 ^a	13/29,5 ^a	2/5,0	15/23,8 ^b
Легко впадаю в уныние	0	53/63,9	35/35,7	13/68,4	23/52,3	27/67,5	23/36,5
	1	24/28,9	36/36,7	3/15,8	14/31,8	11/27,5	23/36,5
	2	6/7,2	27/27,6 ^b	3/15,8	7/15,9	2/5,0	17/27,0 ^b
Я нередко чувствую себя беззащитным	0	44/53,0	35/35,7	14/73,7	16/36,4	30/75,0	21/33,3
	1	32/38,6 ^a	41/41,8	4/21,1	17/38,6	8/20,0	27/42,9
	2	7/8,4	22/22,4 ^{ab}	1/5,3	11/25,0 ^b	2/5,0	15/23,8 ^{ab}

Примечание. Статистическая значимость различий (p) по критериям Pearson χ^2 & Fisher's Exact Test: a – коренные > чем восточные славяне (p<0,05); b – девушки > чем юноши (p<0,05)

Таблица 2 (продолжение)

Утверждение	Код	Группа 4 Агинские буряты (n=228)		Группа 5 Тувинцы (n=128)		Группа 6 Восточные славяне (n=136)	
		Юноши n / %	Девушки n / %	Юноши n / %	Девушки n / %	Юноши n / %	Девушки n / %
Меня пугают трудности	0	43/43,9	37/28,5	28/56,0	11/14,1	25/46,3	38/46,3
	1	46/46,9	72/55,4	12/24,0	33/42,3	26/48,1	38/46,3
	2	9/9,2	21/16,2 ^{ab}	10/20,0 ^a	34/43,6 ^{ab}	3/5,6	6/7,3
Мне кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход	0	56/57,1	46/35,4	20/40,0	26/33,3	28/51,9	43/52,4
	1	33/33,7	60/46,2	15/30,0	30/38,5	22/40,7	32/39,0
	2	9/9,2	24/18,5 ^{ab}	15/30,0 ^a	22/28,2 ^a	4/7,4	7/8,5
Чувствую растерянность перед трудностями	0	46/46,9	32/24,6	23/46,0	10/12,8	28/51,9	42/51,2
	1	44/44,9	84/64,6	15/30,0	37/47,4	23/42,6	29/35,4
	2	8/8,2	14/10,8 ^b	12/24,0 ^a	31/39,7 ^{ab}	3/5,6	11/13,4
Я часто отказываюсь от борьбы, считая ее бесплодной	0	58/59,2	81/62,3	23/46,0	27/34,6	29/53,7	54/65,9
	1	31/31,6	42/32,3	15/30,0	27/34,6	20/37,0	22/26,8
	2	9/9,2	7/5,4	12/24,0	24/30,8 ^a	5/9,3	6/7,3
Неприятности меня сильно расстраивают, я падаю духом	0	48/49,0	39/30,0	23/46,0	20/25,6	35/64,8	45/54,9
	1	43/43,9	71/54,6 ^a	13/26,0	28/35,9	15/27,8	23/28,0
	2	7/7,1	20/15,4 ^b	14/28,0 ^a	30/38,5 ^a	4/7,4	14/17,1
Легко впадаю в уныние	0	64/65,3	61/46,9	22/44,0	22/28,2	39/72,2	41/50,0
	1	29/29,6	50/38,5	23/46,0 ^a	24/30,8	12/22,2	27/32,9
	2	5/5,1	19/14,6 ^b	5/10,0	32/41,0 ^{ab}	3/5,6	14/17,1 ^b
Я нередко чувствую себя беззащитным	0	70/71,4	66/50,8	28/56,0	17/21,8	42/77,8	45/54,9
	1	25/25,2	52/40,0	12/24,0	32/41,0	8/14,8	26/31,7
	2	3/3,1	12/9,2 ^b	10/20,0	29/37,2 ^{ab}	4/7,4	11/13,4 ^b

Примечание. Статистическая значимость различий (p) по критериям Pearson χ^2 & Fisher's Exact Test: a – коренные > чем восточные славяне (p<0,05); b – девушки > чем юноши (p<0,05)

Нередко чувствуют себя беззащитными якуты ($\chi^2=9,5$; $df=2$, $p=0,007$).

Анализ ответов у девушек коренных национальностей Сибири, в сравнении с восточными славянами, показал, что страх перед трудностями чаще испытывают якутки ($\chi^2=29,2$; $df=2$; $p<0,001$), эвенки и эвенкийки ($\chi^2=17,5$; $df=2$; $p<0,001$), алтайки ($\chi^2=11,2$; $df=2$; $p=0,002$), агинские бурятки ($\chi^2=8,4$; $df=2$; $p=0,01$) и тувинки ($\chi^2=34,8$; $df=2$; $p<0,001$).

О том, что им нередко кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход, подтверждают якутки ($\chi^2=11,6$; $df=2$; $p=0,003$), эвенки и эвенкийки ($\chi^2=14,1$; $df=2$; $p=0,001$), алтайки ($\chi^2=7,1$; $df=2$; $p=0,03$), агинские бурятки ($\chi^2=7,4$; $df=2$; $p=0,02$) и тувинки ($\chi^2=11,9$; $df=2$; $p=0,002$). Чаще чувствуют растерянность перед трудностями якутки ($\chi^2=23,9$; $df=2$; $p<0,001$), эвенки и эвенкийки ($\chi^2=8,1$; $df=2$; $p=0,02$), агинские бурятки ($\chi^2=18,6$; $df=2$; $p<0,001$) и тувинки ($\chi^2=30,1$; $df=2$; $p<0,001$). Часто отказываются от борьбы, считая её бесплодной, якутки ($\chi^2=7,2$; $df=2$; $p=0,03$) и тувинки ($\chi^2=20,2$; $df=2$; $p<0,001$). О том, что неприятности их сильно расстраивают, они падают духом, чаще отмечают якутки ($\chi^2=25,3$; $df=2$; $p<0,001$), эвенки и эвенкийки ($\chi^2=7,5$; $df=2$; $p=0,02$), агинские бурятки ($\chi^2=15,9$; $df=2$; $p<0,001$) и тувинки ($\chi^2=15,8$; $df=2$; $p<0,001$). Склонность к унынию чаще отмечается у тувинков ($\chi^2=12,8$; $df=2$; $p=0,002$). О том, что они чувствуют себя беззащитными, чаще заявляют якутки ($\chi^2=6,9$; $df=2$; $p=0,03$), алтайки ($\chi^2=6,9$; $df=2$; $p=0,03$) и тувинки ($\chi^2=21,3$; $df=2$; $p<0,001$).

При анализе когнитивно-поведенческого паттерна с позиции гендерных различий выявлено, что когнитивные факторы риска суицидального поведения встречаются чаще у девушек, чем у юношей. О том, что их пугают трудности, чаще высказываются якутки ($\chi^2=12,9$; $df=2$; $p=0,001$), алтайки (Fisher=8,2; $p=0,02$), агинские бурятки ($\chi^2=6,6$; $df=2$; $p=0,04$) и тувинки ($\chi^2=25,4$; $df=2$; $p<0,001$). О том, что им нередко кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход, чаще подтверждают бурятки ($\chi^2=11,4$; $df=2$; $p=0,003$). Чаще чувствуют растерянность перед трудностями якутки ($\chi^2=11,4$; $df=2$; $p=0,004$), алтайки (Fisher=7,7; $p=0,02$), агинские бурятки ($\chi^2=12,4$; $df=2$; $p=0,002$) и тувинки ($\chi^2=17,5$; $df=2$; $p<0,001$). О том, что неприятности их сильно расстраивают и они падают духом, чаще заяв-

ляют якутки ($\chi^2=13,0$; $df=2$; $p=0,001$), алтайки (Fisher=8,4; $p=0,02$), агинские бурятки ($\chi^2=9,8$; $df=2$; $p=0,007$). Склонность к унынию чаще отмечают якутки ($\chi^2=8,7$; $df=2$; $p=0,01$), алтайки (Fisher=12,1; $p=0,002$), агинские бурятки (Fisher=9,5; $p=0,008$), тувинки (Fisher=15,3; $p<0,001$) и восточные славянки (Fisher=7,4; $p=0,02$). О том, что они чувствуют себя беззащитными, чаще высказываются якутки ($\chi^2=8,7$; $df=2$; $p=0,01$), алтайки (Fisher=8,4; $p=0,02$), агинские бурятки (Fisher=10,6; $p<0,001$), тувинки ($\chi^2=15,6$; $df=2$; $p<0,001$) и восточные славянки (Fisher=7,4; $p=0,02$).

Обсуждение результатов.

Полученные результаты показывают, что у подростков коренных народов Сибири чаще, чем у восточных славян, встречаются когнитивные факторы риска суицидального поведения, в том числе, когнитивные дисфункциональные установки, склонность к чрезмерной генерализации и субъективное ощущение неразрешимости жизненных трудностей. Так, склонность к чрезмерной генерализации (утверждение «меня пугают трудности») статистически значимо чаще выявляется у представителей всех коренных популяций: у якутов ($p<0,001$), у эвенов и эвенков ($p<0,001$), у алтайцев ($p<0,001$), у агинских бурят ($p<0,05$) и у тувинцев ($p<0,001$). Субъективное ощущение неразрешимости жизненных трудностей (утверждение «нередко мне кажутся безвыходными положения, из которых можно найти выход») чаще обнаруживается у якутов ($p<0,001$), у эвенов и эвенков ($p<0,001$) и у тувинцев ($p<0,001$).

У подростков коренных этносов Сибири чаще, чем у восточных славян, отмечается неадаптивное поведение в стрессовой ситуации. Так, блокирование активности в ситуации стресса (утверждение «чувствую растерянность перед трудностями») статистически значимо чаще встречается у якутов ($p<0,001$), у агинских бурят ($p<0,01$) и у тувинцев ($p<0,001$). Чаще прибегают к стратегии отказа (утверждение «я часто отказываюсь от борьбы, считая её бесплодной») якуты ($p<0,001$) и тувинцы ($p<0,001$).

У подростков коренных сибирских популяций чаще, чем у восточных славян, встречаются нарушения аффективной регуляции в ситуации фрустрации (утверждение «неприятности меня сильно расстраивают, я падаю духом»). Статистически значимые различия по-

лучены у якутов ($p < 0,001$), у эвенов и эвенков ($p < 0,01$), у агинских бурят ($p < 0,01$) и у тувинцев ($p < 0,001$). При этом у тувинцев выявляются типологически обусловленные особенности эмоционального состояния в виде склонности к унынию ($p < 0,001$).

Дисфункциональное когнитивное самовосприятие собственной личности в окружающем мире (утверждение «я нередко чувствую себя беззащитным») чаще присутствует у якутов ($p < 0,01$) и у тувинцев ($p < 0,001$).

В ходе проведения данного исследования выявлены территориальные различия когнитивно-поведенческого паттерна в ситуации фрустрации с преобладанием когнитивных суицидальных установок и неадаптивного стиля поведения у подростков, проживающих в северных районах Сибири ($p < 0,05$) и в Тыве ($p < 0,05$), особенно в группе юношей. Мы объясняем это социально-экономическим неблагополучием, более выраженным на севере Сибири и в Республике Тыва, на что было указано в предыдущих наших исследованиях [22, 23].

Анализ ответов старшеклассников с позиции гендерных различий показал, что когнитивно-поведенческий паттерн в ситуации фрустрации у девушек менее адаптивен, чем у юношей. У девушек чаще, чем у юношей, выявляется склонность к чрезмерной генерализации, блокирование активности в ситуации стресса, нарушения аффективной регуляции, склонность к унынию и чувство беззащитности.

Разница заключается в том, что у представительниц женского пола, по сравнению с мужчинами, чаще отмечается незавершенный суицид, в то время среди мужского населения преобладают завершенные самоубийства [24]. И, несмотря на то, что женщины могут иметь целый набор факторов риска для совершения самоубийства, они реже его завершают. Это объясняется многими причинами, в том числе, чувством страха перед самим фактом совершения самоубийства у представительниц женского пола [25], а также меньшей предрасположенностью к развитию приобретённой способности к суицидальному поведению у женщин [26].

Выводы:

Таким образом, у подростков коренных популяций Сибири, при сравнении с восточными славянами, чаще выявляются когнитивные факторы риска суицидального поведения: дисфункциональные установки, склонность к чрезмерной генерализации, субъективное ощущение неразрешимости жизненных трудностей. Поведение в ситуации фрустрации отличается меньшей адаптивностью, блокированием активности и использованием стратегии отказа. Когнитивно-поведенческая реакция на стресс чаще сопровождается нарушениями аффективной регуляции. Выявленные особенности когнитивно-поведенческого паттерна могут объяснить причину высокого уровня суицида у коренных народов Сибири с позиции когнитивного подхода.

Литература:

1. Beck A. T. (1967). Depression: Clinical, experimental and theoretical aspects. New York, NY: Harper & Row.
2. Rudd M.D. The suicidal mode: A cognitive-behavioral model of suicidality. *Suicide Life Threat. Behav.* 2000; 30: 18–33.
3. Schotte D.E., Cools J., Payvar S. Problem-solving deficits in suicidal patients: Trait vulnerability or state phenomenon? *J. Cons. Clin. Psychol.* 1990; 58: 562–564.
4. Evans J., Williams J.M.G., O'Loughlin S., et al. Autobiographical memory and problem solving strategies or parasuicidal patients. *Psychol. Med.* 1992; 22: 399–405.
5. Pollock L.R., Williams J.M.G. Problem-solving in suicide attempters. *Psychol. Med.* 2004; 34: 163–167.
6. Ellis T.E., Ratliff K.G. Cognitive characteristics of suicidal and non-suicidal psychiatric inpatients. *Cogn. Ther. Res.* 1986; 10: 625–634.
7. Orbach I., Mikulincer M., Blumenson R., et al. The subjective experience of problem irresolvability and suicidal behavior: dynamics and measurement. *Suicide Life Threat Behav.* 1999; 29 (2): 150–164.
8. Thomas E. Ellis, Katharine G. Ratliff. Cognitive characteristics of suicidal and nonsuicidal psychiatric inpatients. *Cogn. Ther. Res.* 1986; 10 (6): 625–634.
9. Neuringer C., Lettieri D.J. Cognition, attitude, and affect in suicidal individuals. *Life-Threatening Behav.* 1971; 1 (2): 106–124.

References:

1. Beck A. T. (1967). Depression: Clinical, experimental and theoretical aspects. New York, NY: Harper & Row.
2. Rudd M.D. The suicidal mode: A cognitive-behavioral model of suicidality. *Suicide Life Threat. Behav.* 2000; 30: 18–33.
3. Schotte D.E., Cools J., Payvar S. Problem-solving deficits in suicidal patients: Trait vulnerability or state phenomenon? *J. Cons. Clin. Psychol.* 1990; 58: 562–564.
4. Evans J., Williams J.M.G., O'Loughlin S., et al. Autobiographical memory and problem solving strategies or parasuicidal patients. *Psychol. Med.* 1992; 22: 399–405.
5. Pollock L.R., Williams J.M.G. Problem-solving in suicide attempters. *Psychol. Med.* 2004; 34: 163–167.
6. Ellis T.E., Ratliff K.G. Cognitive characteristics of suicidal and non-suicidal psychiatric inpatients. *Cogn. Ther. Res.* 1986; 10: 625–634.
7. Orbach I., Mikulincer M., Blumenson R., et al. The subjective experience of problem irresolvability and suicidal behavior: dynamics and measurement. *Suicide Life Threat Behav.* 1999; 29 (2): 150–164.
8. Thomas E. Ellis, Katharine G. Ratliff. Cognitive characteristics of suicidal and nonsuicidal psychiatric inpatients. *Cogn. Ther. Res.* 1986; 10 (6): 625–634.
9. Neuringer C., Lettieri D.J. Cognition, attitude, and affect in suicidal individuals. *Life-Threatening Behav.* 1971; 1 (2): 106–124.

10. Hooley J.M. A cognitive model of suicidal behavior: Theory and treatment. *Appl. and Prev. Psychol.* 2008; 12 (4): 189–201.
11. Williams J.M.G., Broadbent K. Distraction by emotional stimuli: Use of a Stroop task with suicide attempters. *British J. Clin. Psychol.* 1986; 25: 101–110.
12. Pollock L.R., Williams J.M.G. Effective problem solving in suicide attempters depends on specific autobiographical recall. *Suicide Life Threat. Behav.* 2001; 31: 386–396.
13. Rotheram-Borus M.J., Trautman P.D., Dopkins S.C., et al. Cognitive style and pleasant activities among female adolescent suicide attempters. *J. Consult. Clin. Psychol.* 1990; 58 (5): 554–561.
14. Adams J., Adams M. The association among negative life events, perceived problem solving alternatives, depression, and suicidal ideation in adolescent psychiatric patients. *J. Child. Psychol. Psychiatry.* 1996; 37 (6): 715–720.
15. Summerville M.B., Kaslow N.J., Abbate M.F., et al. Psychopathology, family functioning, and cognitive style in urban adolescents with suicide attempts. *J. Abnorm. Child. Psychol.* 1994; 22 (2): 221–335.
16. Stellrecht N.E., Gordon K.H., Van Orden K., et al. Clinical applications of the interpersonal–psychological theory of attempted and completed suicide. *J. Clin. Psychol.* 2006; 62 (2): 211–222.
17. Brent D., Kolko D., Allan M., et al. Suicidality in affectively disordered adolescent inpatients. *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry.* 1990; 29 (4): 586–593.
18. Beautrais A.L., Joyce P.R., Mulder R.T. Personality traits and cognitive styles as risk factors for serious suicide attempts among young people. *Suicide Life Threat. Behav.* 1999; 29 (1): 37–47.
19. Spirito A., Esposito-Smythers C., Wolff J., et al. Cognitive-behavioral therapy for adolescent depression and suicidality. *Child. Adolesc. Psychiatr. Clin. N. Am.* 2011; 20 (2): 191–204.
20. Arie M., Apter A., Orbach I., et al. Autobiographical memory, interpersonal problem solving, and suicidal behavior in adolescent inpatients. *Compr. Psychiatry.* 2008; 49 (1): 22–29.
21. Grierson A.B., Hickie I.B., Naismith S.L., et al. The role of rumination in illness trajectories in youth: linking trans-diagnostic processes with clinical staging models. *Psychol. Med.* 2016; 46 (12): 2467–2484.
22. Семенова Н.Б., Манчук В.Т. Медико–социальный статус подростков Республики Тыва. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2007; 3: 17–20.
23. Семенова Н.Б. Социальный статус подростков Якутии. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* 2015; 4: 14–19.
24. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World health organization; 2014.
25. Berkley K.J. Sex differences in pain. *Behav. and Brain Sciences.* 1997; 20: 371–380.
26. Van Orden K.A., Witte T.K., Cukrowicz K.C., et al. The Interpersonal Theory of Suicide. *Psychol. Rev.* 2010; 117 (2): 575–600.
10. Hooley J.M. A cognitive model of suicidal behavior: Theory and treatment. *Appl. and Prev. Psychol.* 2008; 12 (4): 189–201.
11. Williams J.M.G., Broadbent K. Distraction by emotional stimuli: Use of a Stroop task with suicide attempters. *British J. Clin. Psychol.* 1986; 25: 101–110.
12. Pollock L.R., Williams J.M.G. Effective problem solving in suicide attempters depends on specific autobiographical recall. *Suicide Life Threat. Behav.* 2001; 31: 386–396.
13. Rotheram-Borus M.J., Trautman P.D., Dopkins S.C., et al. Cognitive style and pleasant activities among female adolescent suicide attempters. *J. Consult. Clin. Psychol.* 1990; 58 (5): 554–561.
14. Adams J., Adams M. The association among negative life events, perceived problem solving alternatives, depression, and suicidal ideation in adolescent psychiatric patients. *J. Child. Psychol. Psychiatry.* 1996; 37 (6): 715–720.
15. Summerville M.B., Kaslow N.J., Abbate M.F., et al. Psychopathology, family functioning, and cognitive style in urban adolescents with suicide attempts. *J. Abnorm. Child. Psychol.* 1994; 22 (2): 221–335.
16. Stellrecht N.E., Gordon K.H., Van Orden K., et al. Clinical applications of the interpersonal–psychological theory of attempted and completed suicide. *J. Clin. Psychol.* 2006; 62 (2): 211–222.
17. Brent D., Kolko D., Allan M., et al. Suicidality in affectively disordered adolescent inpatients. *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry.* 1990; 29 (4): 586–593.
18. Beautrais A.L., Joyce P.R., Mulder R.T. Personality traits and cognitive styles as risk factors for serious suicide attempts among young people. *Suicide Life Threat. Behav.* 1999; 29 (1): 37–47.
19. Spirito A., Esposito-Smythers C., Wolff J., et al. Cognitive-behavioral therapy for adolescent depression and suicidality. *Child. Adolesc. Psychiatr. Clin. N. Am.* 2011; 20 (2): 191–204.
20. Arie M., Apter A., Orbach I., et al. Autobiographical memory, interpersonal problem solving, and suicidal behavior in adolescent inpatients. *Compr. Psychiatry.* 2008; 49 (1): 22–29.
21. Grierson A.B., Hickie I.B., Naismith S.L., et al. The role of rumination in illness trajectories in youth: linking trans-diagnostic processes with clinical staging models. *Psychol. Med.* 2016; 46 (12): 2467–2484.
22. Semenova N.B., Manchuk V.T. Mediko–social'nyj status podrostkov Respubliki Tyva [Medical and social status of adolescents of the Republic of Tuva]. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny [Problems of social hygiene, health care and history of medicine]*. 2007; 3: 17–20.
23. Semenova N.B. Social'nyj status podrostkov Yakutii [The social status of adolescents of Yakutia]. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny [Problems of social hygiene, health care and history of medicine]* 2015; 4: 14–19.
24. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World health organization; 2014.
25. Berkley K.J. Sex differences in pain. *Behav. and Brain Sciences.* 1997; 20: 371–380.
26. Van Orden K.A., Witte T.K., Cukrowicz K.C., et al. The Interpersonal Theory of Suicide. *Psychol. Rev.* 2010; 117 (2): 575–600.

SUICIDAL BEHAVIOR IN CHILDREN AND TEENAGERS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA: COGNITIVE RISK FACTORS (PART I)

N.B. Semenova

Federal Research Centre «Krasnoyarsk Scientific Centre of Siberian Division of Russian Academy of Sciences», Scientific Research Institute for Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia; snb237@gmail.com

Abstract:

In adolescents of indigenous populations of Siberia, suicide rates are several times higher than those of teenagers of other nationalities, which requires an analysis of the causes of this phenomenon. One of the risk factors for suicidal

behavior can be a cognitive factor, lack of problem-solving skills, inability to properly assess the situation and find a constructive way out, in particular. Aim: to study the features of the cognitive-behavioral pattern in the situation of frustration in adolescents of indigenous populations of Siberia (Yakuts, Evens, Evenks, Altaians, Agin Buryats and Tuvans), in comparison with adolescents of Eastern Slavs. Material and methods. By an anonymous questionnaire, adolescents of the indigenous population of Siberia with a population of 703 people were surveyed, among whom there were 181 Yakuts, 63 Evens and Evenks, 103 Altaians, 228 Agin Buryats and 128 Tuvans. The control group included Eastern Slavs numbering 136 people. A total of 839 people were examined, with the mean age of 16.5 y.o. The survey used a Self-assessment of mental states questionnaire, which includes 4 scales (Anxiety, Frustration, Rigidity and Aggression), with 10 statements in each scale. For each statement, there were 3 possible answers: "not suitable", "suitable, but not completely" and "fully suitable"; statements were encoded as "0", "1" or "2". This analysis included statements characterizing the cognitive-behavioral response in a stressful situation. Statistical processing of the results was carried out using the IBM SPSS Statistics, Version 22 application package. Results. 30.4% of Yakuts ($p < 0.001$), 28.6% of Evens and Evenks ($p < 0.001$), 20.4% of Altaians ($p < 0.001$), 13.2% of Aginian Buryats ($p < 0,05$) and 34.4% of Tuvini-ans ($p < 0.001$). A state of confusion in a stressful situation is noted in 26.5% of Yakuts ($p < 0.001$) and in 33.6% of Tu- vinians ($p < 0.001$). 23.8% of Yakuts ($p < 0.001$), 23.8% of Evens and Evenks ($p < 0.001$), 28.9% of Tuvinians ($p < 0.001$) assess the situation as desperate. 13.8% of Yakuts ($p < 0.05$) and 30.5% of Tuvinians ($p < 0.001$) refuse from further struggle. Impaired affective regulation under stress is observed in 30.4% of Yakuts, in 28.6% of Evens and Evenks ($p < 0.05$), in 34% of Tuvans. Findings. Adolescents of indigenous peoples of Siberia more often identify cognitive risk factors for suicidal behavior: dysfunctional attitudes, a tendency toward over-generalization, a subjective sense of the insolubility of life difficulties. Behavior in a situation of frustration is less adaptive, blocking activity, using a fail- ure strategy. The revealed features of the cognitive-behavioral pattern can explain the reason for the high level of sui- cide among the indigenous peoples of Siberia from the point of view of the cognitive approach.

Keywords: suicide attempt, suicidal behavior, suicide, Siberia

Благодарности.

Автор выражает огромную благодарность за помощь в организации экспедиционных исследований директору РЦ ПМСС Республики Саха (Якутия) (РС (Я)), заслуженному работнику образования РС (Я) В.Н. Филиппову и его заместителю по учебно-методической работе, почётному работнику образования РФ, отличнику образования РС (Я) Т.Ф. Мартыновой; работникам администрации Агинского Бурят- ского округа Забайкальского края в лице консультанта отдела соц. развития С.Б. Базарова и зам. начальника отдела соц. развития Р.М. Балдоржиевой; начальнику отдела образовательной политики Министерства образования и науки Республики Алтай О.С. Саврасовой.

Автор благодарит за помощь в проведении исследований работников образования и здравоохранения РС (Я): зав. отделом инновационных технологий РЦ ПМСС Мин. Обр. РС(Я) Р.Н. Андрееву; зав. РПМПК РЦ ПМСС Мин. Обр. РС (Я) И.И. Андрееву; педагогов-психологов РЦ ПМСС Мин. Обр. РС (Я) Е.Н. Семёнову, А.Ф. Петрову и А.Н. Андросову; специалиста управления образованием Олекминского района Н.С. Макарову; врача психиатра ГУ ЯРПНД Мин. Здрав. РС (Я) Е.В. Мордосову; врача педи- атра ЦБ Усть-Майского улуса Ю.Е. Ноеву; врачей психиатров РПМПК РЦ ПМСС Мин. Обр. РС (Я) Т.Н. Саввину и Т.С. Сивцеву.

Автор благодарен за помощь в сборе и обработке полученного материала научным сотрудникам ФИЦ КНЦ СО РАН, г. Красноярск: в.н.с., к.м.н. В.А. Вшивкову, в.н.с., к.м.н. А.Ю. Холмеевой; в.н.с., к.м.н. Л.В. Лаптевой; н.с. Н.Г. Муравьевой; медицинским психологам КГБУЗ ККПНД №1 А.Ф. Музафа- ровой, Е.Е. Долгушиной, Ю.Н. Орловой.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.
Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The author declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 03.02.2019. Принята к публикации / Accepted for publication: 21.05.2019.

Для цитирования: Семёнова Н.Б. Суицидальное поведение у детей и подростков коренных народов Сибири: когнитивные факторы риска (Часть I). *Суицидология*. 2019; 10 (2): 3-11. doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-3-11

For citation: Semenova N.B. Suicidal behavior in children and teenagers of the indigenous peoples of Siberia: cognitive risk factors (Part I). *Suicidology*. 2019; 10 (2): 3-11. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-3-11